

Среди книг

С АЛЕКСАНДРОМ ЛИВЕРГАНТОМ

[271]

ИЛ 7/2019

Витязь на распутье, или Многая жизни Арчи Фергусона

Пол ОСТЕР. 4321/ Перевод с английского М. Немцова.
М.: Эксмо, 2019. — 992 стр.

Первое впечатление: перед нами старомодный, добротный (“уютный” — написала в аннотации Галина Юзефович) роман воспитания. Как воспитательному роману и полагается, начинается он “от печки”. Даже не с рождения героя, а с его деда, минского еврея Исаака Резникова, ступившего в первый день прошлого века на американскую землю под именем Ихабад Фергусон — это эмиграционный чиновник, выясняя имя вновь прибывшего, принял фразу на идише “*Ikh hob fargessen*” (“Я забыл”) за имя новоявленного американца.

И, как и всякое первое впечатление, оно обманчиво. В самом деле, кто теперь пишет саги о Форсайтах, то бишь о Фергусонах? Разве что сериалы снимают. Читаешь сто раз уже читанные, одинаковые во всех семейных сагах эпизоды из детства и отрочества героя, Арчи-бальда (Арчи) Исаака Фергусона, который, как и все в его возрасте, хочет знать, откуда берутся дети. Ломает руку, упав с дуба, пробует (безуспешно) играть на пианино. Не любит отца и хочет жениться на собственной матери — без “венской

делегации” (вспомним Набокова) никуда! Увлекается бейсболом, потом баскетболом, кино, Луи Армстронгом, Гершвином. Зачитывается “Синдбадом-мореходом” и “Странной историей доктора Джекилла и мистера Хайда”. Влюбляется (вместе со всей Америкой) в обаятельного, улыбчивого Джона Кеннеди. Ходит, повзрослев, на выступления “идеалиста-проповедника” Мартина Лютера Кинга. Живо интересуется, за что “сожгли” на электрическом стуле чету Розенбергов и неужели они передавали смертельным врагам русским “важнейшие секреты, касающиеся создания атомных бомб”... Читаешь и ждешь от Пола Остера — знаешь ведь, с кем имеешь дело, — постмодернистского подвоха¹. И подвох не заставляет себя ждать.

“Уязвимый для печали, слез и безнадежности”, Арчи тяжело переносит вспыхнувший в магазине отца пожар, который “изгоняет его из детского рая”

1. См. Остер Пол. *Стекланный город* (из книги “Красная тетрадь”). ИЛ. № 6, 1997. Перевод А. Ливерганта.

(а нас, читателей, избавляет от иллюзий сегодняшней востребованности классической прозы). Ибо тут-то в жизни (жизнях) Арчи Фергусона и начинаются “развилки”. Отец гибнет в пламени пожара. Отец в своем бутылочно-зеленом “плимуте” мчится в Ньюарк оценивать ущерб от пожара. Сгоревшего заживо отца опускают в могилу под стенания ребе, тянувшего “на непонятном иврите что-то погребальное”. Отец жив-живехонек, да и его магазин “Домашний мир 3 братьев” вовсе, оказывается, не сгорел, он продан, а отец приобрел вместо него сразу в трех городах сеть из трех магазинов бытовой техники, а в придачу — шесть закрытых кортов “Теннисный центр Южной горы”. Соответственно, и у его жены Розы, портретистки в фотоателье, тоже не одна, а несколько параллельных “линий жизни”. По одной, Роза — домашняя хозяйка при живом и процветающем муже-предпринимателе, “царе предместной розницы”, как его не без зависти-издевки величают конкуренты. По другой, “альтернативной”, — вдова, после гибели мужа на пожаре она всерьез занимается фотографией и выходит во второй раз замуж за Гильберта Шнейдермана, ведущего музыкального критика “Нью-Йорк Геральд Трибюн”. Есть и третий вариант жизненного пути матери Арчи: муж жив, но их отношения зашли в тупик, они разводятся, и у Розы роман (а в дальнейшем и брак) с Даном Шнейдерманом. По этой версии не остается в накладе и муж: он утешился с Этель Блюменталь, сорокаоднолетней вдовушкой из Ливингстона.

Вот и их сын Арчи Фергусон, как сказано в романе совсем по другому поводу, “распадается на части”. Один Фергусон учится в захудалой бесплатной школе провинциального Монклера, штат Нью-Джерси; другой — в Гуллиардской школе в Нью-Йорке вместе с богатейшими детьми Америки. Один Арчи Фергусон теряет девственность со своей сводной сестрой Эми Шнейдерман, дочерью отчима, любовью всей своей жизни. Второй — с одноклассником, киноманом и гомосексуалистом Энди Коганом. Третий — с двадцатилетней негритяжкой в борделе на Западной Восемьдесят второй улице. Один Фергусон принимает активное участие в студенческих волнениях середины 60-х в Нью-Йорке; другой — в это же самое время учит в Париже французский, читает в подлиннике Элюара, Аполлинера и Блеза Сандрара и неустанно ходит по парижским кинотеатрам. Одного Фергусона в марте 1966-го сбивает насмерть в Лондоне машина — витающий в облаках интеллектualan Арчи забыл, что в Англии движение левостороннее. Другой же спустя полгода после собственной смерти как ни в чем не бывало обсуждает с издателями сроки публикации своей книги “Путешествие Муллигана”. А спустя еще без малого десять лет напишет книгу о падении клана Фергусонов. Как эта книга называется, вы уже догадались, — “4321”.

Чтобы наметилась очередная траектория судьбы многочисленных персонажей романа, действие у Остера не развивается поступательно, а либо забегает вперед, либо, наоборот,

отступает назад. По окончании колледжа Арчи раздумывает, поступать ему в Принстон или в Колумбийский университет, читает Бабеля, Клейста, Торо, “Записки из подполья”, да и сам начинает писать киносценарии и рассказы. Автор же — казалось бы, без всякого резона — переносит читателя и героя в те далекие времена, когда Арчи двенадцать: он возвращается в лагерь “Парадайз” (нечего и говорить, что название обманчиво), где собирается поработать официантом — не брать же деньги у нелюбимого отца, тем более — служить в отцовском магазине.

Герои Остера, таким образом, проживают не одну, а несколько жизней. (Не потому ли, кстати, в романе без малого тысяча страниц?) Параллельных, независимых друг от друга и при этом вполне реальных жизней. Жизней на фоне умело, со вкусом, хотя и скороговоркой описанной тревожной американской действительности второй половины XX века. На густом и пестром фоне расовых бунтов и войны во Вьетнаме, самоубийства Хемингуэя и громкой победы Кассиуса Клея над Сонни Листоном, на фоне битломании и убийства братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Роман перенасыщен невыдуманнными, документально выверенными эпизодами из мира политики, литературы, музыки, из жизни академической среды — серьезный “вызов”, как теперь принято говорить, для переводчика. И Макс Немцов, надо признать, с этой нелегкой задачей справляется, демонстрирует отменное знание американских реалий — от политических и культурных до сексуальных. Встречается меж

тем в тексте немалое число не вполне русских (*уже* не английских, но *еще* не русских) словосочетаний. Таких, например: “Его положение в мире застряло”, “человеческое супружество”, “сама ее женскость”, “развить этот магазин” (“Всю свою жизнь положил на то, чтобы развить этот магазин”), “она натянуто на нее посмотрела”, “не подверженная выплескам смеха (“Смышленная и серьезная девочка... не подверженная выплескам смеха”), “...обет этот был одной из пылающих сил в его жизни”. И то сказать, в жизни увлекающегося, пытливого и сверхэнергичного Арчи “пылающих сил” было предостаточно.

Какой же все-таки смысл в этом остеровском эксперименте — “развилках”, альтернативных сюжетах и судьбах? В первую очередь, думаю, в том, чтобы высмеять “роман классический, старинный”. Роман о становлении творческой личности с его устаревшими, приевшимися конфликтами, мотивами, образами, языковыми и композиционными штампами и предсказуемым — всем сестрам по серьгам — финалом. Этот жанр, по Остеру, давно себя исчерпал, “истощился”, как выразился полвека назад Джон Барт о традиционной литературе, ее неспособности соответствовать современной жизни.

А вот по мне, без этих “развилочек” и роман с его широкой панорамой американской жизни, и читатель, которого Остер, в соответствии с постмодернистской эстетикой, приглашает в соавторы (выбирай, мол, на свой вкус любого из многочисленных Арчи Фергусонов), — только бы выиграли.